

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

АЛЫЙ КАМЕНЬ

Алексей Васильев

Алый камень

«ИТРК»

2016

УДК 82-343
ББК 84-445

Васильев А. Г.

Алый камень / А. Г. Васильев — «ИТРК», 2016

ISBN 978-5-88010-379-9

В дебютном романе молодого автора главный герой – благородный рыцарь сир Нолан – оказывается втянут в череду кровавых событий, происходящих на фоне опустошительной междоусобной войны. Роковая встреча в катакомбах старого замка открыла сире Нолану существование древних и могущественных сил, ведущих непримиримую борьбу, частью которой станут он и его верные друзья... Их путь лежит на север, к стенам затерянной крепости, хранящей тайны забытого мира. Разделить с героями их опасные приключения, в которых есть место и жарким схваткам, и волшебству, и доброй шутке, может любой читатель, открывший эту необычную книгу.

УДК 82-343

ББК 84-445

ISBN 978-5-88010-379-9

© Васильев А. Г., 2016

© ИТРК, 2016

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Глава III	15
Глава IV	17
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	24
Глава VIII	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Васильев

Алый камень

С любовью и благодарностью моим дорогим Родителям посвящается

© Васильев А.Г., 2016

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2016

Королевства и земли Акроса

Глава I

Доброе утро

Солнце медленно выползло из-за холма, сиюсья прогреть холодный утренний воздух. Сир Нолан хлопнул носом и поежился, видимо, за ночь его продуло. Рыцарь перевернулся на бок и стал думать. Перед ним лежал трудный выбор: остаться в палатке еще на полчаса или начать подниматься. Но резкий и громкий звук играющей трубы все решил за него. Послышались крики, команды и отменные ругательства, которыми сдабривали свою речь все, кто уже был на ногах. Сир Нолан поежился и приподнялся на локтях:

– Эй Джон, куда же ты делся? – крикнул он, взывая к своему оруженосцу. Через минуту входной проем палатки загородил рослый парень лет семнадцати. В руках у него был чан с водой и полотенце. От воды исходил пар.

– Как вы любите... – сказал Джон.

– Благодарю, – прервал его сир Нолан. – Какие новости? – спросил рыцарь, принимая чан с водой.

– Через два часа мы выступаем, сударь, – ответил оруженосец.

– Ясно, – проворчал сир Нолан, вытирая умытое лицо. – Как насчет завтрака?

Через десять минут на небольшом походном столике лежали теплый хлеб, масло, бокал с подогретым разбавленным вином, пара поджаренных ломтиков баранины и зажаренная луковица.

Холодный утренний воздух усилил и без того хороший аппетит сира Нолана. Приятное тепло разливалось по телу, и на минуту рыцарю показалось, что это... прекрасное утро. Но лишь на минуту. Бряцание и позвякивание доспехов смогли вернуть сира Нолана с небес на грешную землю.

«Сэр, ваши доспехи», – произнес Джон. В этой фразе слышалось все: гордость от того, что он хорошо сделал свою работу, а также то проявление скромности и покорности, которое является добродетелью для любого слуги. Доспехи были действительно в прекрасном состоянии: начищенные до блеска панцирь, наручи, поножи и шлем с длинным назатыльником. Сир Нолан наклонился над сверкавшей кирасой и увидел, что на него смотрит высокий широкоплечий мужчина двадцати семи лет, с пшеничного цвета волосами и небольшой щетиной. Карие глаза рыцаря глядели смело и с легкой усмешкой. Сир Нолан оторвался от доспеха и перевел взгляд на свой фамильный щит. Это был самый ценный и лучший элемент в его снаряжении. Легкий и прочный, он выдерживал сильнейшие удары, словно заговоренный. На щите был выгравирован герб его семьи – лев, держащий в когтях меч. Рядом со щитом покоился длинный меч в богато украшенных ножнах.

– Прекрасная работа, – сказал сир Нолан, оглядывая свое снаряжение.

– Позвольте вам помочь, сэр, – спросил оруженосец и бросился за стеганым дублетом с нашитыми на нем стальными кольцами. Сир Нолан натянул поддоспешник и с помощью Джона стал облачаться в стальные доспехи.

Через десять минут сир Нолан вышел из палатки. Оруженосец подвел к нему коня – гнедого жеребца с роскошной гривой. Конь был огромного размера, ведь ему предстояло выдерживать не только вес сира Нолана, сбрую и попону, но и доставить их к полю битвы.

Рыцарь сел на коня, взял длинное копьё и поскакал к месту сбора первой конной роты.

Пока сир Нолан пробирался через палатки полусонных солдат, взбесившихся коней и загнанных оруженосцев, его рота потихоньку подтягивалась к положенному месту.

Первыми, кого увидел сир Нолан, были капитан его роты сир Густав и его первый помощник сир Ульф. Капитан – высокий, крепкий мужчина лет сорока, с густыми усами, которые,

словно два темных крыла, украшали его грозную физиономию. За его спиной висел длинный полуторный меч.

Рядом с капитаном стоял сир Ульф, мужчина огромного роста; он был на голову выше капитана. Густая огненно-рыжая борода обрамляла суровое лицо воина. Голубые глаза почти всегда выражали довольство, вызов и насмешку, а рот искривлен в ухмылке. Любимым делом сира Ульфа, помимо сражений, была травля баек про его родные земли.

– Эта серая зверюга разинула пасть и бросилась на лошадь, но я крепче сжал копьё и... – гремел бас рыжебородого гиганта. Капитан Густав, без особого энтузиазма слушавший очередную историю своего подчиненного про громадных волков и иных чудовищ, коими так богаты дремучие северные леса, повернулся к рыцарю и поприветствовал его:

– Сир Нолан, рад вас видеть, – пророкотал его густой бас.

– Сир Густав, к вашим услугам, – сказал сир Нолан, спешившись.

– Хорошо выпались? – усмехнулся сир Ульф, протягивая могучую руку.

– Более чем, – ответил сир Нолан, пожимая ее.

Тут мимо них прошел капитан пехотного полка и, поклонившись сире Густаву, пошел своей дорогой.

– Ладно, пока вы обмениваетесь любезностями, мне надо идти, у нас совет, – сказал сир Густав и, развернувшись, зашагал к генеральской палатке, оставив сира Нолана и сира Ульфа собирать подтягивающихся к назначенному месту рыцарей их роты.

* * *

Через час капитаны рот были в генеральской палатке и слушали план предстоящего сражения. Совет вели два знатных вельможи: один неимоверно толстый и веселый, лорд-наместник Южных земель, приближенный короля, герцог Брайтон; другой высокий и хмурый, лорд-наместник Северных земель, герцог Йореф. Последний был в очень подавленном состоянии. Восстание мятежных графов произошло на земле, за которую он был в ответе перед королем, чем не преминул воспользоваться Южный герцог, отпуская свои многочисленные шутки и остроты.

– Ну, полно вам печалиться, мой любезный герцог Йореф, – рассмеялся южанин, ударив увесистым кулаком по походному столу, отчего вырезанные из камня фигуры, отображавшие местоположение войск на карте, дрогнули и рухнули. Это вызвало новый приступ неистового хохота герцога.

– Дорогой герцог Брайтон! – обратился к своему соседу Северный герцог. – Если бы вы с такой же легкостью могли смести армии мятежников, то мы бы все разделили ваше веселье.

– Разве это проблема? – поинтересовался герцог Брайтон, на покрасневшей физиономии которого застыла довольная улыбка. – Наши храбрые рыцари вмиг сомнут их жалкие ряды, словно траву! – При этих словах герцог запустил кубком в мальчика-виночерпия и, потешаясь ловкости, по счастью, увернувшегося слуги, крикнул ему:

– Эй ты! Неси вина мне и моим доблестным капитанам! – услышав эти слова, сир Густав слегка побагровел и начал нервно пожевывать усы.

– Крепитесь, капитан, – тихо проговорил герцог Йореф, заметив недовольство сира Густава. – Боюсь, наш южный друг уже добрался до старого виллонского... – его слова прервали возгласы «ура!» и громкий смех. Капитаны Южного герцога осушили свои кубки.

– Может, не стоит сейчас так расслабляться? – спросил один из северных графов. – Нам нет проку от пьяных офицеров. Мы едем на битву, или вы и вправду полагаете, что мятежники без боя сложат знамена у ваших ног?

– Вполне может быть. Так не лучше ли вам помолчать, когда победители утоляют жажду? – ответил один из капитанов Юга.

– Да как вы смеете! – расвирепел граф.

– Ваши слова ничего не решат! Мы вместе начали этот поход, вместе будем сражаться, вместе будем праздновать победу, а если и придется, то и вместе будем умирать! – воскликнул рассерженный герцог Йорек. Тут умолкли все, включая герцога Брайтона, который от неожиданности поперхнулся и пролил алое вино на багряный камзол.

– Вот почему надо носить красное! – рассмеявшись, воскликнул он.

– Если мы не разработаем план атаки, то красное придется надеть всем, – ответил Северный герцог.

– Как вам будет угодно, – согласился герцог Брайтон. – Но не забывайте, что командую здесь я, – отметил он. – Таково слово короля.

– Итак, нам всем хорошо известно, что основные войска мятежных графов накрепко засели в своих замках, – начал герцог Йорек. – Они избегают генерального сражения и, несомненно, готовят засаду у стен одной из их крепостей. Главная проблема заключается в двух вещах, – Северный герцог указал пальцем в точку на карте. – Это древний замок Рэйвенхолл, – пояснил он. – Теперь руины некогда могучего и неприступного замка занял гарнизон мятежников. Таким образом, если мы выступим на их главные силы, не разделавшись с этой угрозой, то рискуем оказаться в окружении превосходящих сил противника.

Другой проблемой является то, что, помимо основных сил мятежники располагают большим количеством нерегулярных формирований легкой пехоты и конницы, которые могут представлять серьезную опасность для наших обозов и флангов.

– Разбить их всех, и дело с концом, – брякнул герцог Брайтон, поигрывая кубком с вином.

– Кого разбить? – ядовито поинтересовался северянин.

– Всех! – не задумываясь, ответил Южный герцог.

– Всех? Так просто взять и разбить все семь тысяч солдат мятежных графов вместе с большими гарнизонами в крепостях и несколькими тысячами легкой пехоты и конницы? – воскликнул Северный герцог.

– Если мне не изменяет память, – ответил герцог Брайтон, – у нас пятнадцать тысяч объединенной пехоты, полторы тысячи только моей конницы, три сотни вашей и еще полсотни, в качестве дара короля, его отборные силы, – при последних словах лорд-наместник Юга указал на сира Густава, в этот момент вытянувшегося и переставшего пожевывать усы.

– Очень впечатляет! – воскликнул Северный герцог. – В их распоряжении не менее полудюжины замков и крепостей, не считая руин, что они заняли...

– Так, хватит! – проревел раскрасневшийся герцог Юга. – При всем моем уважении, не забывайте, мой дорогой герцог Йорек, что восстание идет на вашей земле и вы несете за нее ответственность! А то, что половина ваших вассалов предали короля и вам приходится заручаться помощью других земель, чтобы решать ваши проблемы, не делает вам чести, герцог! Король назначил меня главнокомандующим! И я не потерплю неповиновения даже от вас! Или мне придется причислить ваше доброе имя к числу предателей и мятежников?

Серые глаза герцога Йорефа блеснули от гнева, но потом их блеск потух.

– Прошу прощения, – выдохнул герцог, понуро склонив голову. – Каков же ваш план, главнокомандующий?

– Для дальнейшего наступления, – прозвучал голос герцога Брайтона, чье красное лицо приняло серьезный вид, – нам необходимо захватить укрепления противника. Вам, – он указал на капитана Густава, – надлежит взять замок Рэйвенхолл.

– Разрешите, – вскипел капитан Густав, – как конный отряд без поддержки пехоты, осадных машин и лучников может захватить крепость?!

– Вы забылись?

– Но ведь ворота, как нам на конях...

– Вам напомнить о субординации, капитан? – загромыхал герцог. – Эта так называемая крепость – лишь жалкие развалины старого замка с горсткой перепуганных крыс, – сказал он, ткнув толстым украшенным перстнем пальцем в точку на карте. – А насколько я помню, один только ваш сир Ульф в одиночку поднимает деревянные скамьи, которые пять мужчин не сдвинут с места, так что справитесь...

– Простите, но как можно пустить лучший отряд нашей армии на верную смерть! – воскликнул герцог Йореф.

– И вы туда же! Прекратить! – вскричал герцог Брайтон, пригрозив кубком Северному герцогу. – Я отправлю пехотную роту лишь после того, как форт окажется в наших руках, капитан.

Затем южанин завел речь о предстоящей кампании. Через час мрачный капитан Густав вышел из генеральской палатки. Его перехватил герцог Йореф.

– Мне очень жаль, что так все вышло, – заметил герцог.

– Сэр, наш долг – выполнить приказ. И мы его выполним, – ответил капитан Густав, гордо подняв голову. – Первая конная бывала и не в таких передрягах...

– Я несколько не сомневаюсь, – сказал с улыбкой герцог. Серебристая седина в его темных волосах блеснула на солнце. – Меня только волнует, что на каждого вашего рыцаря придется по дюжине врагов, поэтому я думаю, что отряд в семьдесят – восемьдесят человек вам не помешает, – герцог слегка прищурил глаза, испытующе взглянув на капитана. – Это мои доверенные люди, среди них много опытных лучников, они могут вам пригодиться.

– Благодарю, герцог, – поклонился сир Густав и зашагал к своей роте.

* * *

– Мы выступим, сомнем их позиции, захватим форт. Потом пехотная рота займет его и превратит в хорошо обороняемую позицию для нашего арьергарда, – звучал бодрый и уверенный голос капитана Густава.

– Сэр, – спросил один из рыцарей, – будет поддержка? Пехота или стрелки?

– Сир, вы что, испугались «жалких развалин и горстки перепуганных крыс»?

– Да уж, – тихо проворчал сир Нолан себе под нос, – крысы-то с арбалетами...

– Вы что-то сказали, сир Нолан? – поднял бровь капитан Густав.

– Нет-нет, сэр, – выпрямился сир Нолан.

– Я так и думал, – сказал капитан. – Вы возглавите третье копьё.

Сир Ульф подался в сторону сира Нолана и, наклонившись к его уху, прошептал; это ему показалось – прошептал. Слова, словно рой громадных шмелей, штурмовали ухо сира Нолана:

– Наш Лев решил показать зубы?

– Нет, наш Лев не хочет превратиться в сито, когда мы прибудем к форту, – таким же шепотом ответил сир Нолан.

Капитан, выждав несколько минут, продолжил:

– Милостью графа Йорефа, у нас будет подмога – отряд северных лучников. Это к вопросу о поддержке, – ответил капитан, смерив задавшего вопрос рыцаря пронзительным, словно удар рыцарского копья, взглядом.

Нам надо будет взять с собой наших оруженосцев. Понадобятся все доступные копьё. Мы разделимся на три отряда. Первый, пеший, подойдет к стенам замка и займется воротами. Сир Ульф, вы его возглавите, – рыжебородый кивнул в ответ. – Второй отряд – лучники графа Йорефа – прикроют вас. А третий отряд, конный, когда врата падут, ударит по врагу. Я возглавлю его лично. Когда мы будем внутри крепости, вы, сир Ульф, возьмете лучников и присоединитесь к нам. Есть вопросы?

* * *

Сир Нолан вел под узду своего коня, попутно пытаясь понять, как стать невидимым. Не то чтобы он боялся – просто он не страдал от нехватки чувства самосохранения. «Даже если рассуждать логически, – думал сир Нолан, – если до форта доберется лишь половина... Нет!» – прервал сам себя рыцарь. Многочисленные сражения научили его одной простой истине: вредно думать перед битвой. Мысли рожают сомнения, сомнения на поле боя – смерть.

Сир Нолан всегда старался полагаться на три вещи: опыт, интуицию и удачу. Третье иногда давало сбои, но первое и второе редко его подводили. Сир Нолан оглянулся на группу священников, одетых в синие робы с вышитой белой звездой: «Да хранит нас Небесный Отец, пусть его молнии сделают наши мечи острее, пусть обернемся мы его ураганом, пусть...»

Многие пехотинцы и рыцари обступали их и слушали, внимая каждому слову. Сир Нолан ни в коем случае не сомневался в силе и могуществе Небесного Отца и его верных служителей, но считал, что человек сам вершит свою судьбу. Молнии не сделают меч острее, только точильный камень и умелый кузнец.

Занятый такими мыслями, сир Нолан сам не заметил, как дошел до своей палатки. Оруженосец подхватил узду и отвел коня. Рыцарь окинул взглядом свою палатку – все стало донельзя уютным: его спальный мешок, который он был готов сжечь еще вчера вечером, походный столик, о который он однажды споткнулся, – все эти вещи вдруг стали необыкновенно приятными и дорогими, но сир Нолан был рыцарем, он знал, что такое долг, и этот долг звал его на место сбора.

Он посмотрел на своего оруженосца, с нетерпением натягивавшего кольчугу. Сир Нолан понимал его чувства: когда-то и он был семнадцатилетним юнцом, жаждущим отличиться на поле боя, но ощущение смутной тревоги беспокоило его.

– Дай помогу, – сказал сир Нолан, увидев, что его оруженосец запутался в креплениях кольчуги. Он подтянул лямку и положил крепкую руку на плечо юноши.

– Джон, держись меня. Не надо лезть на рожон.

– Ни в коем случае, господин, – ответил парнишка, голубые глаза которого сверкали задором.

– Джон, я понимаю, что мои нравоучения тебе уже порядком надоели и ты уже видишь себя рыцарем, но надеюсь, что ты помнишь, что...

– «Мертвые оруженосцы не получают рыцарства», я помню, господин, и постараюсь держаться за вашей спиной.

– Нет, – ответил сир Нолан с грустной улыбкой, – я просто хотел пожелать тебе удачи. Пусть хранит тебя Небесный Отец!

– Так вы же в него не верите? – спросил со смехом Джон.

– Учти, если тебя услышат Его служители, останешься без учителя, – рассмеявшись, сказал сир Нолан, вручая Джону меч. – Твой отец был моим другом, Джон. Он бы гордился тобой!

– Благодарю, – ответил юноша, принимая меч.

Сир Нолан и Джон вышли из палатки.

Через полчаса на отведенном месте стояла ровным строем, блистая сталью под лучами солнца, первая конная рота. Ее позиция была на поле, до вражеского замка ее отделяла одна лига. Отряд лучников Йорефа расположился за холмом, что высился рядом с крепостью. Сир Ульф вместе с его людьми ждал сигнала.

Капитан Густав, сейчас особенно похожий на усатого медведя в доспехах, объезжал ряды рыцарей.

Необходимо сказать, что первая рота была лучшей конной частью королевской армии. Она находилась в непосредственном подчинении у доверенных лиц, тех, кого король называл

своими советниками. Первая конная всегда была на острие атаки: каждый рыцарь этой роты стоил двух-трех из других рот.

Командиром роты мог быть лишь тот, кто не только прекрасно владел мечом, но и обладал не менее острым умом, человек с железной волей и храбрым сердцем. Именно таким был капитан Густав. Он всегда возглавлял роту лично, несясь впереди нее, вдохновляя людей собственным примером.

Этот раз не стал исключением. По команде горна рыцари припустили лошадей, те перешли на рысь. Сир Ульф вместе с его отрядом отделился от общего строя и поскакал напрямик к форту. С ними двигалось несколько телег с сидящими в них лучниками и небольшими таранами, представлявшими собой обтесанные бревна с металлическим наконечником на конце.

Сир Нолан ехал в середине третьего ряда. Тяжелый доспех давил на тело, стеснял грудь и плечи. Неприятное ощущение в животе и волнение прошли. «Слышать топот еще пятидесяти рыцарей и их коней и знать, что ты едешь туда не один, уже приятно...» – думал сир Нолан, пока полсотни рыцарей выходили на позиции для атаки. Как часто бывает с людьми на войне, сознание уступает инстинктам. Один из них – слушаться приказов, от выполнения которых зависит твоя жизнь и жизнь твоих людей.

Сир Нолан оглянулся на Джона, ехавшего правее, чуть позади него. Тот был в полном рыцарском доспехе. Высокий шлем с опущенным забралом закрывал лицо юноши. «Держись, Джонни», – подумал сир Нолан, повернув закрытое шлемом лицо в сторону форта.

– Вперед, за короля! – заревел капитан, и трубы заиграли сигнал атаки. Лошади перешли на галоп, рыцари выставили перед собой копыта и прикрылись щитами.

– Вот, – подумал сир Нолан, – началось...

Глава II

Под стенами замка

Утренний туман потихоньку рассеивался. Роса блестела на траве, словно бриллианты на изумрудном бархате. Привычную утреннюю тишину нарушил гул топота полсотни всадников. Подобно тени, сверкающей металлом на солнце и оцетинившейся копьями, двигался плотный строй рыцарей.

Впереди вздымались мрачные башни крепости. Темный камень местами потрескался, но даже руины замка внушали тревогу.

– Быстрее, вперед! – кричал сир Густав, пока конный строй пытался быстрее преодолеть расстояние до форта. Крепость встретила их градом стрел и арбалетных болтов. Сир Ульф уже был под стенами замка. Его люди сняли тараны и, прикрывшись щитами, пытались проломить ворота. Лучники Йорефа выступили из своего укрытия и теперь держали бойницы крепости под ураганным огнем.

Сир Нолан пригнулся к шее своего коня и пришпорил его. «Эх, хоть кто-нибудь из моего десятка доберется до форта?» – думал он. Их капитан несся впереди, его роскошный доспех ярко сиял в лучах утреннего солнца. Стрелы проносились мимо сира Густава, будто невидимая рука хранила его, быть может, готовя к худшей участи.

Гибельный стальной дождь встречал наступавших рыцарей. Ведомый капитаном отряд стал редеть с ужасающей скоростью. Несмотря на прочность доспехов, стрелы и арбалетные болты находили слабые места в защите рыцарей. Одному болт пробил глазницу на шлеме и пронзил череп. Его обмякшее тело выбросило из седла и сбilo всадника, ехавшего позади. Прежде чем сир Нолан успел моргнуть, два тела оказались под копытами коней своих же товарищей. Немало болтов и стрел досталось лошадям, и они вместе с всадниками падали на зеленую траву, окрашивая ее кровью.

Джон вырвался вперед, несясь на своем коне. Сир Нолан почувствовал что-то неладное и хотел было осадить своего оруженосца, как просвистела стрела и поразила юношу в плечо, но со звоном отлетела от стального наплечника.

– Назад, езжай за мной! – крикнул ему сир Нолан, пытаясь заглушить топот копыт, лязг металла и голоса рыцарей.

– Нет, нет, все в порядке! – воскликнул ему в ответ Джон.

– Эх, ну задам я тебе, юноша, – проворчал сир Нолан, пришпоривая коня.

Рыцари стали приближаться к главным воротам форта. Ответный огонь защитников стал плотнее и отчаяннее. Видимо, они понимали, что еще чуть-чуть, и их ворота поддадутся. Сир Ульф, чувствуя, что остальная часть рыцарей уже почти на месте, оттолкнул одного из солдат, державшего таран, и, проревев команду, сам ухватился за бревно. После дюжины могучих ударов ворота поддались, и рыжебородый рыцарь оглянулся на скачущий к ним отряд капитана.

До проломленных ворот оставалось не более десятка шагов. Один старый лучник, защищавший стену, прицелился и выстрелил. Стрела со свистом поразила Джона в место сочленения доспеха, чуть пониже локтя. Вскрикнув от боли, юноша пошатнулся и выпал из седла. На глазах у ошеломленного сира Нолана тело Джона скрылось за копытами десятка несущихся коней и пришпоривавших их рыцарей, не успевших обойти юношу или просто не заметивших его. Сир Нолан развернул коня и, не нарушая общего строя, покинул стремительный поток скачущих коней и оцетинившихся копьями рыцарей. Он очутился у бездыханного тела Джона и мигом спешил.

Отряд из десяти рыцарей, возглавляемых сиром Ноланом, остановился. Они также покинули основной строй и обступили командира, склонившегося над телом оруженосца. Послы-

шался недовольный голос, и, расталкивая рыцарей, к сире Нолану подошел сир Ульф, сжимавший в руках молот.

– Разрази тебя гром, почему ты не с капитаном! – взревел рыжебородый гигант, но, увидев обезображенное тело Джона, тут же умолк. Сир Нолан бережно прикрыл распахнутые от ужаса голубые глаза на бледном лице Джона и поднялся с колен.

– Идем, – сказал он.

– Вот, другое дело, – проговорил рыжебородый и неуклюже хлопнул сира Нолана по плечу. – Ладно, эй вы! – махнул сир Ульф молотом, призывая лучников Йорефа присоединиться к сражению внутри крепости, и повел объединенные отряды на выручку капитану.

Сир Густав вначале легко смял передовой отряд защитников, но когда его рыцари устремились к крепостному двору, их встретил плотный строй легковооруженных копейщиков. Рыцари были вынуждены спешиться и, ведомые их капитаном, бросились на копья. Они подобно стальному клину врезались в строй защитников. Кожаные доспехи не были помехой для стальных мечей и булав. Сир Густав был в гуще боя, описывая своим длинным мечом широкие кровавые дуги и расчищая путь для своих подчиненных.

Но гарнизон крепости не думал сдаваться. Командовавший им граф прекрасно понимал, на что способны королевские рыцари, и знал, как их можно остановить. Отряд копейщиков смог их связать, не дав королевским войскам пройти по форту подобно стальному урагану, и рыцарям пришлось спешиться, завязнув в ближнем бою.

По команде графа со стен и башен на нападавших побежали отряды тяжеловооруженных солдат, державших в руках громадные молоты и двуручные топоры. Окруженные вдесятеро превосходящим по численности врагом, находящиеся под неистовым обстрелом арбалетчиков, рыцари по команде капитана заняли круговую оборону и, преодолевая раны и боль, продолжали биться с нападающими защитниками крепости. Со стен бежали новые десятки. На каждого убитого рыцаря приходилось по семь-восемь солдат, но такой счет был не в пользу королевских войск.

Ситуация переменялась, когда к схватке присоединились отряды сира Ульфа. Громогласный голос сира Густава перекрывал гул сражения: «Все ко мне, все ко мне!» Сир Нолан и сир Ульф, ведя своих людей, прорубали путь к капитану.

Арбалетчики, засевшие на стенах, усилили натиск, осыпая рыцарей градом болтов.

– Сир Ульф! Я возьму отряд и сниму этих проклятых стрелков со стены, – крикнул сир Нолан рыжебородому гиганту.

– Давай, а я пойду пробиваться к капитану, – проревел сир Ульф и повел за собой оставшихся рыцарей.

– Третье копьё, за мной! – скомандовал сир Нолан и повел своих людей к ступенькам, ведущим на стену.

Он увидел, как несколько стрелков взводят свои арбалеты и целятся в его людей.

– Поднять щиты! – приказал сир Нолан. Болты хищно клюнули рыцарские щиты и, лязгнув, отлетели в сторону. – А теперь все вперед, пока они не успели перезарядить свои арбалеты! – скомандовал сир Нолан и сам побежал к арбалетчикам. Топот шести пар кованых стальных сапог внушал решимость и уверенность. – Ну, держитесь, трусы! – подумал сир Нолан. Он, навалившись плечом, ударил щитом одного из арбалетчиков, сбил его с ног и ткнул в лицо острым краем щита, другому вонзил свой длинный меч глубоко в живот. Клинок легко пробил кожаный доспех и пронзил крестьянина насквозь.

Сир Нолан увидел, как один из арбалетчиков целится ему в лицо, но неожиданно из груди стрелка, словно по волшебству, вырос меч. Сир Мерах – рыцарь из десятка сира Нолана – стряхнул обмякшее тело с меча. «Спасибо», – успел выдохнуть благодарный командир и тут же отсек руку, целившуюся в него кинжалом. Арбалетчик взвыл и отпрянул назад, но его место тут же занял другой. Один из рыцарей отсек ему голову, но сам подставился, когда шесть

болтов, пробив доспехи, вонзились ему в бедро, грудь и шею. Он осел на одно колено. Сир Нолан подбежал к нему.

– У нас здесь больно комары кусачие, командир, – послышался хриплый тихий голос из шлема. Рыцарь, обмякнув, упал навзничь.

Сир Нолан увидел впереди около дюжины арбалетчиков, которые пытались построиться. «Вы что, хотите в нас все стрелы пустить?! Ну, уж нет!» – промелькнуло в голове у сира Нолана, и он, недолго думая, сделал единственное, что мог, чтобы спасти своих людей: он прыгнул на стрелков.

Те еще не успели вскинуть арбалеты, когда узорчатый щит сира Нолана сбил с ног двоих врагов. Длинный меч описал широкую дугу, и трое арбалетчиков скрючились, прикрывая рассеченные лица. Но первый шок прошел, и на сира Нолана посыпались удары кинжалов и тяжелых топоров. Большинство из них просто со звоном отскакивали от доспеха, не причиняя вреда.

Но один из семи ударов нашел свою цель. Сир Нолан почувствовал острую боль в левой руке. Из места сочленения доспеха торчал клюв боевого молота. Превозмогая боль, сир Нолан ударил щитом арбалетчика, ранившего его, и зарубил мечом.

В ту секунду, когда над ним уже нависли вражеские клинки, послышались крики, и сир Нолан увидел, как его отряд налетел на арбалетчиков. Чтобы отбить своего командира, рыцари сражались с удвоенной яростью, и через минуту последний из стрелков упал с залитой кровью стены.

Сир Нолан выдернул лезвие из зиявшей в броне прорехи. «Рана вряд ли глубока», – подумал он, осматривая руку. Рыцарь взглянул на битву с высоты стены. Маленький серебристый круг окружила серо-коричневая масса. Слышался лязг металла, крики раненых и стоны умирающих. Защитники, словно живые волны, накатывали на рыцарей, те, преодолевая раны и усталость, отвечали на каждый удар, сминая защитников. Со стены можно было увидеть громадную фигуру, возвышавшуюся над остальными. Этот рыцарь сражался кулаками, дробя черепа крестьян ударами латных рукавиц.

«Это, видимо, старина Ульф», – подумал сир Нолан. Рядом с ним в сверкающем доспехе сражался капитан, искусно фехтовавший своим полуторным мечом, отсекавшим головы и конечности.

Со стороны башни ему навстречу шел другой воин, в покрашенных синей эмалью доспехах, в котором сир Нолан признал вражеского командира одного из северных графов, ответственных за мятеж. За графом шли плотным строем его защитники и телохранители – десяток рослых, закованных в сталь рыцарей, вооруженных двуручными мечами.

– Неужели вы хотите, чтобы все враги достались капитану и сир Ульфу? – воскликнул сир Нолан, обращаясь к своим людям.

– Нет!!! – закричали его рыцари.

– Так давайте возьмем и себе немного!

– Да! Да!

– За мной, заколем этих крыс третьим копьём! – сир Нолан кинулся со стены, за ним бежали его воины. Все вместе они врезались в строй солдат как нож в масло. Ужас охватил ряды защитников, они дрогнули; капитан, почуввав нужный момент и собрав все силы, ударил в самую уязвимую часть вражеского строя. Из окружавших те стали окруженными. Но, точно звери, загнанные в угол, оставшиеся дрались до последнего.

Сир Густав сошелся в поединке с вражеским командиром в синем доспехе и после непродолжительной схватки поверг его наземь. Много жизней понадобилось заплатить для того, чтобы последний выживший крестьянин сложил оружие и стал молить о пощаде.

«Все к стене и без глупостей!» – скомандовал капитан. Рыцари вели пленных, ступая по почерневшей и рыхлой от крови земле.

Глава III

Лопата и меч

Сир Нолан, предварительно проверив своих людей, шатаясь, подошел к капитану. «Видимо, и его зацепило», – подумал рыцарь, взглянув на кровоточащую рану в плече капитана.

- Как вы? – устало спросил сир Густав.
- Из третьего копья выжило пятеро, из них трое ранены.
- А это? – спросил капитан, указав в сторону левой руки сира Нолана.
- Просто царапина, – отмахнулся рыцарь.
- Я скажу полевому врачу, чтобы осмотрел вас, – сказал капитан.

Послышалось пыхтение и тяжелое дыхание, будто здесь стояли кузнечные меха. Появился сир Ульф. Он выглядел, словно громадный рыжий медведь, который только что разорвал оленя. Выслушав рапорт рыжебородого рыцаря, капитан послал за врачами и начал обход роты. Сир Ульф пошел с ним.

«Точное количество мы узнаем, когда капитан всех обойдет», – подумал сир Нолан, но, оглядев выживших, невольно заметил: вряд ли больше половины уцелело. Он стал вспоминать товарищей, смерть которых он видел сам: сира Норлонда, веселого парня, которому жить да жить, – один из болтов пробил ему шею, и его затоптала собственная лошадь; толстяка Бретта, штурмовавшего обеденный стол с тем же усердием, что и замки врагов; он всегда был душой компании и погиб, когда прикрывал своим щитом раненого рыцаря, при этом открывшись и став мишенью. Сира Стрэхэма, сира Бартона и многих других, кто уже не будет радоваться победе, сидеть возле костра, петь песни, скучать по семьям. Никто из них не вернется домой. Перед глазами снова появилось обескровленное лицо Джона с остановившимися широко открытыми глазами...

Сир Нолан почувствовал ужасную усталость. Горячка боя схлынула, и боль в руке усилилась. Шлем давил на голову, панцирь стеснял грудь. Руки и ноги казались ватными и неподъемными. Рыцарь доплелся до стены и прислонился к ней, попутно снимая шлем.

Наконец-то подоспели врачи. Они занялись ранеными, сновали туда-сюда и что-то выкрикивали. Один подошел к сире Нолану. Через десять минут рана была обработана и перевязана. В воздухе слышался запах крови, смерти и мокрой земли.

Сир Нолан окинул взглядом двор крепости: везде, сколько хватало глаз, лежали мертвые тела, залитые кровью.

– В смерти все одинаковы, что рыцари, что крестьяне, – подумал он. – И для чего все эти смерти? Из-за власти или верности и чести? Или из-за безумия? – рыцарь взглянул в лицо ближайшего от него крестьянина: на нем застыл ужас, большие светло-голубые глаза были широко раскрыты, из-под кожаного шлема пробивались вихры светлых волос, в уголке открытого рта остановилась струйка крови. Ему на вид было не больше, чем Джону, сущий мальчишка.

Одни погибли по слову их лорда, – тут сир Нолан перевел взгляд на рыцаря, из груди которого торчало древко копья, – другие по слову их короля, но когда верность стала оправданием для убийства?

Грустные думы сира Нолана прервал капитан и шагавший с ним рядом сир Ульф.

- Сир Нолан!
- Да, сэра! – откликнулся рыцарь.
- Скоро должны подойти вторая пехотная и первая строительная роты. Ах да, хорошо сражались, сир Нолан, – улыбнулся сир Густав.
- Спасибо, сэра, вы тоже, – рыцарь вздохнул и спросил. – А сколько людей мы потеряли?

Улыбка сползла с лица капитана.

– Из пятидесяти рыцарей этот бой пережили шестнадцать человек и одиннадцать коней.

Выставленные капитаном дозорные прокричали, что видят союзный отряд, приближающийся к крепости. Сир Густав развернулся и пошел к воротам, сир Ульф последовал за ним. Вскоре за стенами послышались звуки рогов, и тонкий, высокий голос произнес:

– Именем короля, пропустите! Мне нужен кастильян вашего форта, капитан Густав!

– Граф Давгуд, как ваша благороднейшая особа может видеть, ворота не заперты, и ничто не помешает вам войти в крепость, – вкрадчиво проговорил капитан.

В дверном проеме показался отряд в тридцать человек. Его вел худой и низкий всадник с острыми чертами лица и белесого цвета глазами. Сейчас на хитром и надменном лице графа Давгуда читался испуг.

Трудно было сказать, что больше его удивило: сотни изуродованных и окровавленных трупов, во множестве устилавших крепостной двор, подобно листьям в осеннюю пору, или то, что лучший отряд королевской армии, известный тем, что один рыцарь этой роты стоит трех рыцарей из других рот, потерял две трети своих людей. Но через несколько секунд его лицо приняло прежнее выражение. Он приподнялся в стременах и объявил:

– Согласно приказу лорда-наместника Южных земель, герцога Брайтона, вам надлежит дождаться подхода второй пехотной и первой строительной рот. Вместе вы превратите эти руины в славный оплот и защиту королевских войск.

Капитан побагровел и ответил:

– Приказ понял, граф Давгуд. Можете передать герцогу Брайтону, что первая конная удержит крепость и с радостью примет столь долгожданное подкрепление, которого она не получила до битвы! Граф сделал вид, что последнего замечания не заметил, поклонился и, развернув коня, вместе с охранниками выехал из ворот.

К капитану подошел сир Ульф и рассмеялся:

– Ха, и за что эта серая ворона получила графство? Клянусь бородой, я бы ему и сапоги чистить не доверил...

– Видно, эта ворона умела каркать, когда надо, – ответил сир Нолан.

– Прекратить! – отрезал капитан. – Что, силы появились? Языками чесать вздумали? Порядок есть порядок. Он старше по званию и положению, так что держите язык за зубами! – послышалось позвякивание доспехов – к капитану прибежал один из дозорных. Он тяжело пыхтел и отдувался, затем выпрямившись, отрапортовал:

– К крепости приближается отряд со знаменем второй пехотной роты, сэр.

– Хорошо, будем ждать, – отозвался капитан. – Вы меня поняли, – он сурово глянул на сира Нолана и сира Ульфа и отправился к воротам.

Тем временем пехотная рота вошла в крепость. Сир Густав быстро нашел ее капитана и навел порядок. Капитан пехотной роты сказал, что строители задерживаются. Сир Густав недовольно засопел. Впрочем, провиант, который захватил с собой пехотный полк, быстро разрешил все вопросы. Капитан Густав закрыл глаза на устав и сам помог разжигать костры и накрывать походный стол.

Наконец подоспела строительная рота. Капитан распорядился похоронить павших: оруженосцы унесли тела своих рыцарей обратно в лагерь, тела врагов свалили в огромную яму, вырытую строительной ротой. Отдав последние почести мертвым, капитан занялся живыми. По его указаниям одни разжигали огонь, другие готовили еду. Принесенной пехотной ротой сносили дров и прочего более чем хватило, чтобы накормить и обогреть двести человек.

Незаметно солнце перекаатилось за горизонт. Вечерний воздух холодел. Заночевали прямо под открытым небом, укывшись для тепла плащами и мехами. Сир Нолан попытался перебрать в памяти все события этого дня, но вскоре, оставив это бесполезное занятие, повернулся на бок и уснул мертвым сном.

Глава IV

Серый замок

Сир Нолан открыл глаза. Был глухой час ночи. Тусклый месяц выглядывал из-за тучи. На фоне темного ночного неба чернел силуэт полуразрушенной башни. Днем он этого не заметил, но сейчас даже разрушенная крепость внушала тревогу, словно громадный великан стоял перед ним. Сир Нолан поежился и, нащупав флягу с водой, откупорил ее. Питье увлажнило его пересохшее горло. Затем он перевернулся на другой бок и забылся тревожным сном.

Солнце медленно поднималось над горизонтом, освещая алыми бликами руины крепости. Из сотен носов и ртов спящих на стылой земле солдат валил густой пар. Иней покрыл их волосы и бороды. Стену охраняли дозорные, усевшиеся на парапете, словно птицы в зимний день на ветке. В нужный час они пошли будить следующий караул, а потом отправились спать.

Солнце поднималось выше и вскоре унеслось в серые облака. Сизый туман стелился вокруг крепости. Воздух все густел и становился плотнее.

Резкий и беспощадный звук играющей трубы разбудил всех. Сир Нолан мигом вскочил на ноги и тут же пожалел об этом. Сонная голова, словно свинцовая гиря, тянула вниз. Второй сигнал окончательно добил рыцаря, но долг есть долг, и, проклиная чертову трубу, сир Нолан, пошатываясь, встал на ватные ноги, которые понесли его к месту сбора.

Такие же сонные, недовольные и несчастные люди собрались на плацу. На крепостную стену вышел капитан и, приправляя речь крепкими выражениями, стал рассказывать о распорядке дня. Это были дежурства, работа, дежурства и еще раз работа с перерывами на сон, но для рыцарей, считавшихся слишком благородными для махания лопатой, работа была заменена на дежурства.

Капитан кратко обрисовал план восстановления крепости: поднять стены, восстановить башню и заменить ворота. Слыша такие амбициозные заявления, строители приуныли, пехотинцы обрадовались, а рыцари задумались. Но все сошлись на одном: нужен был завтрак. Видимо, и капитан был с ними солидарен и, закончив инструктаж, распорядился обустроить постоянную кухню и накормить людей. Из лагеря подъехали телеги с провиантом. Самые толковые люди были назначены поварами, и вскоре вкусный запах горячей похлебки и только что испеченного хлеба начал дразнить солдатские носы. После завтрака и отдыха все приступили к делам: строители – строить и сновать туда-сюда, пехота охранять и мешаться под ногами, а рыцари – надзирать и скучать.

Так, в делах и заботах пролетела неделя. Стены уверенно росли, башня чинилась. Был отстроен вход в саму башню и открыты подвалы. Главный строитель смог составить план крепости до ее разрушения. Там, где находился внутренний двор крепости с полуразрушенным каменным фундаментом посередине, некогда располагался просторный главный зал, но лишь несколько камней могли напомнить о его существовании. Капитан решил не восстанавливать его, тем более что на этом месте была обустроена полевая кухня. Однако сир Густаву понравилась идея отстроить три башни, защищавшие стены, так как они предоставляли прекрасные позиции для союзных стрелков.

До форта редко доходили новости, но и те не давали поводов для веселья. Королевские войска хоть и продвигались вперед, но с огромными потерями. Взбунтовавшиеся графы накрепко засели в своих замках или же наоборот оставили их и вместе со своими отрядами постоянно маневрировали, атакуя фланги и уничтожая коммуникации королевской армии. Королевские войска плохо знали эту местность и таяли, как лед на солнце.

В один из пасмурных холодных дней, коих выдалась целая куча, неожиданно к форту подъехал усталый гонец на взмыленной лошади и передал приказ лорда-наместника: боль-

шей части гарнизона крепости надлежит немедленно выступить и присоединиться к главным силам. Около сотни пехотинцев и строителей выступили на север. Их возглавило одно рыцарское копьё.

В форте остались шесть рыцарей, два десятка пехотинцев, пять строителей и один недовольный капитан.

Солнце почти скрылось за горизонтом, озаряя вечернее небо прощальными алыми сполохами. Медленно выползала луна. Сир Нолан смотрел, как двое строителей возятся с камнем, стоящим в центре разрушенной башни. Рыцарь считал, сколько попыток понадобится строителям, чтобы понять, что с этим камнем им вдвоем не совладать. На их счастье, к ним подошел сир Ульф, и вместе они сдвинули камень. Послышались удивленные возгласы и крики. Сир Нолан схватил факел и подбежал к строителям. Он увидел гладкую каменную плиту, на которой были вырезаны непонятные символы. На шум прибежал капитан:

– Что здесь происходит?

– Сэр, мы сдвигали камень и обнаружили что-то вроде плиты. Возможно, это вход в подземные туннели, – ответили строители.

– Вдруг там остались какие-нибудь ценные вещи? – спросил один из подбежавших пехотинцев.

– Тем более не надо их доставать, – ответил сир Нолан. – Не стоит копаться в тайнах старых замков.

Капитан долго молчал и напряженно думал.

– Согласно моему приказу, – начал капитан, – любые подземные, дополнительные и тайные ходы в захваченных крепостях должны быть изучены. У нас нет выбора. Сир Ульф, открывайте, – вздохнул капитан.

Используя кирку как рычаг, сир Ульф поддел плиту и с большим трудом ее сдвинул. При свете факелов была видна лестница, ведущая во тьму.

– Один десяток пусть останется здесь, – сказал капитан, обращаясь к пехотинцам, – надо же кому-то сторожить стены, все остальные, за мной! И возьмите побольше факелов!

Вскоре группа спустилась по лестнице. Обшарпанные старые каменные ступеньки так и норовили уйти из-под ног. На душе у сира Nolana становилось все тяжелее. У него все чаще появлялось чувство, что все это неправильно. Но через десять шагов группа остановилась. Лестница вела к двери – темной, толстой, с кованными из черной стали петлями. Через пять минут упорных усилий она поддалась и с жутким скрипом открылась. В них ударил порыв холодного сырого воздуха.

– Все за мной! – скомандовал капитан и первым переступил порог. Группа двинулась за ним следом. Только сир Нолан все еще стоял у двери. Ему казалось, что сам воздух был им враждебен. Холодный, затхлый и спертый, в нем чувствовался запах смерти. Как же рыцарю не хотелось туда идти! Но, стиснув зубы и нащупав рукоять меча, сир Нолан шагнул через порог, догоняя огни факелов, что слабо светили впереди.

Глава V

Камень и кровь

Группа продвигалась вперед, разгоняя отступающую тьму светом факелов, но потом она снова смыкалась за ними подобно крыльям громадной черной птицы. Туннель был такой ширины, что люди могли идти лишь по двое. Древние каменные стены были испещрены ранами времени, и тут и там прорастал мох.

Чем глубже спускалась группа, тем становилось холоднее. Тьма отступала неохотнее, словно здесь она была гуще и имела собственную волю. Гулкие шаги тяжелых сапог далеким эхом разносились по темному туннелю. В воздухе все отчетливее слышались запахи старой гнили и истлевшей земли. Тонкие нити паутины, свисавшие под сводчатым потолком, мерцали в неровном свете факелов.

– Стоять! – послышался голос капитана. – Здесь что-то есть! – группа остановилась. Люди обступили находку – давно иссохшего скелета в стальном панцире. Он лежал на боку, обратив лицо к стене и закрыв его руками.

– Очень странно, – заметил сир Ульф.

– Взгляните на доспехи, – сир Нолан указал на покрытый толстым слоем пыли тускло сверкавший панцирь, – в таких доспехах сражались не меньше двух сотен лет назад...

– Идем дальше, у нас нет на это времени! – прервал их капитан.

Через пять метров нашли останки еще двоих: один распростерся на полу – его костяные пальцы были зажаты в сомкнутых челюстях. Другой скелет прислонился к стене спиной и прикрывал кистями рук пустые глазницы.

Капитан повел группу дальше. Через полсотни шагов путь им преградила дверь, замыкавшая туннель. Она была из темного камня, с вырезанными на ней письменами и выгравированным человеческим черепом. Дверь украшал громадный, словно выплавленный из куска меди, замок.

– Сир Ульф, – позвал капитан.

Рыжебородый гигант взял молот и, подцепив шипом замок, сорвал его с двери. В этот момент свет от факелов дрогнул и послышался страшный звон упавшего на каменный пол медного замка. Вместе с сиром Ульфом капитан открыл дверь. Им в лицо ударил сильнейший запах давно разложившейся плоти и сгнившей земли. Свет факелов с трудом разгонял тьму, будто показывая, что не он здесь хозяин.

Сир Нолан, проходя через дверь, провел рукой по стене – холодный камень, казалось, впитывал тепло от его ладони. Рыцарь поспешно убрал руку, задев острую шероховатую часть стены. Капля крови скатилась с пореза и шлепнулась на пол.

В конце комнаты послышалось сопение, словно кто-то с силой вдохнул воздух.

От неожиданности все вздрогнули. Капитан, выставив факел вперед, зашагал в направлении звука. Остальные последовали за ним, разрывая тишину гулким топаньем стальных сапог.

Слабый свет факелов открыл конец комнаты: к стене был прикован человек. Его длинные руки были разведены в стороны, на них были огромные, тускло сверкавшие кандалы, вбитые в каменную стену. Толстые цепи, подобно гигантским змеям, оплели жилистые запястья. Человек сидел на полу, вытянув длинные ноги в стороны, прислонившись спиной к стене, низко опустив голову. Черные космы полностью закрывали лицо и торс.

– Он мертв? – спросил сир Ульф, указывая молотом в сторону прикованного человека.

– Думаю, да, – ответил капитан. – Надо проверить, вдруг он...

– Тогда вас приветствует мертвец, – послышался гулкий, низкий, с бархатистыми нотками голос.

– Кто это? – спросил капитан, испуганно озираясь на каменные стены.

– Гораздо важнее, кто вы, – ответил голос. Дернулась косматая грива черных волос – ее обладатель поднял голову. Через черные как смоль пряди было видно красивое лицо с тонкими чертами, прямым носом, густыми черными бровями и большими глазами, сверкавшими красным огнем. У незнакомца были черные усы и небритый подбородок. Удивительно бледная кожа выделялась на фоне непроглядной тьмы. Рот был искривлен в усмешке:

– Вы, должно быть, командир, судя по вашим усам и важности. Командир, окруженный своими соратниками. Кто же вы, потревожившие мой покой?

Капитан побагровел. Его усы стали нервно дергаться, вены на шее вздулись:

– Здесь я задаю вопросы, – рявкнул он. – Я сир Густав Грейморт, капитан первой конной роты его величества, и не позволю говорить со мной и моими людьми в таком тоне. Я...

– Я буду говорить с вами так, как посчитаю нужным, капитан, – перебил его голос. – Впрочем, вы правы, я действительно забыл о манерах! Разрешите представиться: я граф Валенкарт Рэйвенклюд, хозяин замка Рэйвенхолл и прилежащих к нему земель. А теперь будьте так добры, ответьте на мой вопрос, хотя я уже получил на него ответ.

– Не знаю, в какие игры вы играете, но...

– Игры? Единственные, кто здесь играет в игры, – это вы, а игрой называется война, где независимо от победы или поражения вы становитесь мясниками...

– Мясниками? – возмутился сир Ульф. – Мы верные рыцари короля, несущие справедливость от его имени, и если появляется враг, отринувший свою присягу, смеющий поднимать оружие против его величества, то он сам обрекает себя...

– Обрекает себя? Враг, отринувший свою присягу? И кто же эти враги короны? Графы, возмущенные поборами? Или крестьяне, умирающие от голода? Видимо, сущность королевской власти вообще не меняется, живи ты двести лет назад или тысячу – всегда будет безумец с короной на голове, который решает кому жить, а кому умереть, и вы, его верные псы, с радостью исполняете его волю, проливая реки крови! Так, кто же мясник? – спросил Валенкарт, останавливая взгляд алых глаз на капитане.

Пока граф говорил, сир Нолан с ужасом понимал, что слова этого странного и, несомненно, безумного человека находят отклик в его душе.

– Хватит! – заревел сир Густав. – Единственное, что не дает мне снести вашу неразумную голову с плеч, так это то, что вы здесь явно засиделись и сошли с ума. Лишь безумец будет оскорблять короля при его же подданных. Сир Ульф, отвяжите этого предателя и покажите, что бывает с человеком, которому не достает ума и верности повиноваться королю. Он у нас попляшет!

– Капитан, – вмешался сир Нолан, – разве это правильно? Мы...

– Что я слышу! Только не говорите, что слова этого предателя оказали на вас влияние! Или этот безумец вас околдовал? Мы поговорим о вашей лояльности позже...

Сир Ульф подошел к Валенкарту. Двумя ударами молота он разбил кандалы с цепями и, быстро отложив молот, схватил графа за руки и заломил их за спиной. Дальше начались странные вещи. Огромный и сильный сир Ульф не мог справиться с графом. Тот тоже был очень высок, лишь на полголовы ниже сира Ульфа, но рыжебородый был намного мощнее, громадные мышцы вздымались от натуги, лицо краснело, а лицо Валенкарта сохраняло свою прежнюю белизну и ухмылку.

Длинные жилистые руки вырвались из хватки сира Ульфа. Тот, взревев, ударил латной рукавицей Валенкарта в грудь, но граф лишь слегка пошатнулся. Быстрее молнии пролетел кулак Валенкарта, и сир Ульф, отлетев на десять шагов, с грохотом врезался в стену. Сир Густав тут же обнажил меч и бросился на графа.

– Стойте, – сказал Валенкарт, – я не желаю вам зла. Опустите оружие...

Меч капитана глубоко вонзился в грудь Валенкарта и пронзил ее насквозь. Глаза графа яростно засияли, как раскаленные угли. Страшный удар рукой подбросил капитана в воздух, и он шлепнулся о каменный пол. Рыцари и пехотинцы побежали на Валенкарта с мечами наголо. Тот, словно змея, пригнулся, избежав удара мечом, и, раскрыв рот, в котором блестели длинные клыки, с хрустом вгрызся в шею другого рыцаря. Дернув головой, он швырнул его в сторону, как волк швыряет убитого зайца.

Лицо Валенкарта исказилось гримасой ярости. С длинных острых клыков капала кровь. Глаза превратились в два ярко сияющих алых сполоха. Длинные пальцы оканчивались острыми когтями. Он бросился в гущу людей, словно вихрь смерти, разрывая, кусая и раскидывая обступивших его врагов. Когти прорезали доспехи, вспарывали тела. Пол стал скользким от крови. Казалось, все полученные раны делали Валенкарта яростнее, а каждая пролитая капля крови сильнее.

Сир Нолан стоял, будто зачарованный, оцепеневший от ужаса. За несколько ударов сердца это существо перебило половину их отряда. Тут из-за спины графа на него бросился сир Ульф, размахивая молотом. Валенкарт перехватил молот рукой. Около секунды они боролись за оружие, и Валенкарт потянул на себя молот, притягивая к себе сира Ульфа. Граф впился ему в шею, жадно лакая хлынувшую кровь. В этот момент капитан, подобрав чей-то меч, вонзил его в спину Валенкарта, рассекая плоть и кости.

Послышалось жуткое шипение, наполненное злобой и болью. Тело графа стало темнеть и растворяться в воздухе. Меч, звякнув, упал на пол. Темный туман наполнил комнату. Выжившие рыцари встали в круг и выставили впереди себя мечи.

Вдруг обретшая форму черная фигура прыгнула прямо в центр круга. Полностью материализовавшаяся когтистая рука ударила сразу троих – они покатались в сторону. Через секунду остались лишь капитан и сир Нолан, не веривший своим глазам. «Такого не может быть, такого не бывает», – промелькнуло у него в голове. Валенкарт, уклонившись от меча капитана, укусил его в шею, фонтаном хлынула кровь. Капитан повернул лицо к сире Нолану и прошептал лишь одно слово: «Беги...»

И он побежал. Сир Нолан никогда не считал себя трусом, но он побежал; бежал все дальше, прочь от этого ужаса, прочь от этого места. Захлопнув дверь комнаты, он стремительно кинулся наверх.

Сир Нолан не услышал звуков шагов или бега, нет. Он услышал звуки сотен хлопающих крыльев. Рыцарь с ужасом обернулся и увидел, как сотни маленьких красных глаз летели за ним в темноте. «Это безумие, это безумие...» – сир Нолан захлопнул за собой последнюю дверь. Одна тень успела проскочить – это была большая черная летучая мышь. Она кинулась на него, пытаясь прокусить его доспех, но рыцарь успел разрубить ее мечом.

Выбежав наружу, он стал кричать и звать гарнизон. Его обступили ничего не понимающие солдаты. Сир Нолан смог лишь прокричать: «Бегите, спасайтесь, кто может! Он идет!» и кинулся к лошадям. Схватив первую попавшуюся походную сумку, он отвязал лошадь и поскакал прочь, прочь от этого ужаса, прочь от этого замка.

Он уже не видел, как темная туча вылетела из катакомб, окружая десяток человек. Он не видел, как летучие мыши приняли форму черной высокой фигуры. Он не слышал последние крики гарнизона крепости...

Глава VI

Ночная прогулка

Еще один солдат рухнул на холодную землю. Из его вспоротой шеи хлестала кровь.

– Что же это такое?! Что... – осекся голос очередного копейщика, когда длинная рука схватила его за горло, с хрустом сломав ему шею, подняла в воздух и швырнула в сторону. Двое выживших копейщиков жалась к стене. На фоне беспроглядной ночи чернела высокая фигура. Два красных сполоха горели алым огнем. Он надвигался на них.

Один из копейщиков, суший мальчишка, бросился на колени, кинув копьё на землю.

– Пощадите, умоляю, мы сдаемся, мы... – слова застыли в горле скованного ужасом юноши. Он ничего не мог сказать, лишь беззвучно шевелились губы, силясь произнести хоть что-то.

Фигура остановилась. Пылающий взор блеснул и стал потухать.

– Бегите, – послышался низкий хриплый голос, – прочь отсюда.

Чуть ли не на четвереньках солдаты бросились к воротам. Через мгновение они растворились в ночной темноте.

Фигура оглядела поле бойни. С долей грусти и жалости скользил взгляд алых глаз по изувеченным телам. Но потом взгляд графа поймал кровь, вытекавшую из ран. Она сияла алым светом, в десять раз ярче лунного, погружая остальной мир во тьму. Запах старых елей из ближайшего леса, запах сырой земли, аромат ночного воздуха – все это поглощал неодолимый, пьянящий запах крови. Графа потянуло к ней, она звала его. Мельчайшая частица его сущности жаждала впитать в себя эту эссенцию жизни. Очертания рослой фигуры стали размываться, словно дым, исходящий от пламени.

– Нет, – прозвучал низкий, властный голос. Граф сделал глубокий вдох. Мир снова предстал перед ним во всех красках и запахах. Кровавое наваждение отступило. Высокая фигура графа приняла прежний облик.

– Какая ночь! – произнес Валенкарт. Он оглядел свое потрепанное временем одеяние. – Не подобает графу иметь такой вид! – сказал он с усмешкой. Тьма вокруг него словно обрела форму, раздалась в стороны, принимая очертания богатой черной одежды и длинного черного плаща, полностью закрывавшего всю рослую фигуру графа.

– Надо пойти будить остальных, – сказал сам себе Валенкарт и направился к входу в катакомбы. Длинный плащ развеялся за его спиной, словно два черных крыла.

* * *

Огромная луна выползала из облаков. Ночные тени стали расти. Сир Нолан все прищипывал свою лошадь. Быстро проскакал поле. Все чаще попадались высокие кустарники, плавно переходящие в деревья, и неожиданно сир Нолан оказался в лесу. Перед его глазами все еще горели два алых сполоха, летучие мыши и лицо капитана, когда это... чудовище вгрызлось ему в шею. Сир Нолан не смотрел на дорогу, полностью положившись на чутье лошади. Та избрала наиболее короткий путь – тропинку, проходящую через лес.

Отдаленный вой вырвал рыцаря из кошмаров. Лошадь тоже его услышала – испуганное ржание стало тому подтверждением. Сир Нолан пригнулся к шее лошади и прошептал: «Давай, милая, давай быстрее...» Лошадь, то ли поняв его слова, то ли почуяв что-то, ускорила. Сир Нолан, выворачивая шею, оглянулся назад и увидел, как между стволами деревьев проскользили несколько серых теней метрах в двадцати от него. Громкий вой огласил начало охоты.

Тут одна из теней выпрыгнула на дорогу и приняла очертания громадного волка. Он, сверкая золотистыми глазами и высунув красный язык, догонял лошадь. Сир Нолан, чуть затормозив скакуна, развернулся и сделал стремительный выпад в сторону волка. Серый преследователь не ожидал такого своеволия со стороны предполагаемого ужина и, яростно блеснув глазами, прыгнул на рыцаря. Холодным блеском сверкнула сталь, и голова волка отлетела в сторону.

– А теперь вперед! – лошадь сира Нолана перешла на галоп и оставила далеко позади стаю, лишившуюся вожака. Скакун перешел на рысь. На рыцаря накатила волна усталости. В висках пульсировала глухая боль.

– Нет, надо отъехать подальше, и отдохнем, – сказал сир Нолан себе и лошади, и они поехали дальше.

Глава VII

Вой из низины

Сир Нолан проскакал всю ночь и все утро. Чувство опустошенности овладело им. Сильно гудела голова. Он клевал носом. «Так, надо сделать привал», – подумал рыцарь.

Он спешил. Сир Нолан хотел покормить лошадь, но опасался, что она убежит. Рыцарь вышел из затруднительного положения благодаря веревке, один конец которой он привязал к седлу лошади, а другой к осине. Убедившись, что его скакун не сможет сбежать и при этом вдоволь наестся, сир Нолан решил подумать и о себе.

Устроившись под тенью старого вяза, рыцарь достал из сумки две фляги с водой и вином, кусок солонины, ломоть хлеба и два яблока. Угостив яблоком лошадь, сир Нолан подлил к воде немного вина, дабы убедиться, что не подцепит ничего заразного. Отведав солонины, разломив ломоть хлеба и отхлебнув воды, сир Нолан почувствовал себя лучше и понял, что ему нужно немного вздремнуть. Подложив сумку под голову, рыцарь заснул мертвым сном без сновидений. Кошмары, наконец, оставили его, уступив место забвению.

Он проснулся, когда солнце уже стояло над горизонтом, сияя золотым диском на хмуром небе. «Так, поехали», – сказал сир Нолан, забравшись на лошадь и пришпоривая ее.

Странно, но еда, сон и отдых помогли слегка приглушить горечь прошлой ночи. Изумрудная трава, хмурое небо, деревья, то и дело попадающиеся на пути, словом – все вокруг выражало безмятежность, и сир Нолан внял этому чувству, сливаясь с окружающей природой, забывая о пережитом, не волнуясь о предстоящих трудностях и опасностях.

Тут из развилки на дорогу вышел путник. Он был очень высокого роста, одетый в полностью скрывающий тело потертый серо-зеленый плащ с капюшоном. Путник опирался на дубовый посох.

– Добрый день, – поприветствовал сир Нолан путника. Путник остановился, повернул голову. Его лицо закрывал темно-серебристый шарф, но были видны глаза – карие, с зеленоватыми искорками. Он поклонился и произнес:

– Добрый день, рыцарь! Куда путь держишь?

– Ищу ближайший лагерь королевских войск. Они должны были продвинуться на север, – сказал сир Нолан.

– Война, да, все спешат на войну... Но поблизости ничего нет. Только одинокая таверна, до которой день пути, – добавил путник.

– Благодарю, – ответил сир Нолан, – не желаете ли угоститься, у меня осталось немного снеди, а вы, должно быть, голодны?

– Нет, вы очень добры. И позвольте один совет: не ежайте этой дорогой. Через пять лиг сверните направо, потом вперед и по дороге. Та дорога, которой вы едете, ведет к низине у трех осин. Это место пользуется дурной славой.

– Я ценю ваш совет, но не думаю, что слухи или дурная слава могут мне повредить.

– Я просто вас предупредил. Но если вы не измените скорость или не свернете на другую тропу, то окажетесь у низины уже к вечеру. И я не думаю, что встречать там ночь – это лучшая идея. Остерегайтесь ночи, рыцарь, берегитесь ее порождений, – с этими словами путник скрылся за деревьями.

«Еще один сумасшедший», – сказал бы сир Нолан, если бы не опыт вчерашней ночи. После непродолжительного внутреннего спора рыцарь рассудил, что раз он пережил встречу с тем чудовищем, то какая-то низина ему нипочем. Хотя сердцем он ощущал смутную тревогу.

Повинуясь внутреннему чувству, рыцарь оторвался от своих мыслей и внимательно оглядел окружающее его место. Что-то странное было в этом краю: днем под лучами солнца он

казался отчужденным, словно спящим. Ни птиц, ни зверей, ни какой-либо другой живности, привычной для такой местности, рыцарь не заметил, словно их кто-то выгнал или истребил.

– Только из-за зверей не хватало волноваться, глупости, – подумал сир Нолан. Но внутренний голос ему возразил:

– Вчерашний граф – тоже глупости? Перебитый гарнизон – тоже глупости?

– Это просто дорога, я просто буду ехать по дороге, и все. Я рыцарь, а не лесник, пусть лесник ломает голову над исчезновением зверья, – заверил сам себя сир Нолан. Занятый своими мыслями, он не заметил, как солнце зашло за горизонт, одаряя прощальными розовыми сполохами фиолетовое небо. Стемнело.

Сир Нолан пришпорил лошадь. Стало холодать. Налетел сильный, пронизывающий до костей ветер. Он глухо завывал, подобно вышедшему на охоту зверю. Темные тучи неумолимо наплзали, закрывая собой луну.

Рыцарь поежился. Ему стало как-то не по себе. Ему чудилось, что он слишком выделяется. Он словно чужой здесь, слишком теплый, слишком живой... Лошадь тоже это почуяла и стала беспокойно фыркать и хлопать ушами.

Сир Нолан разглядел вдалеке три высокие осины по левую сторону от дороги, правая сторона которой уходила вниз, дальше во тьму. Рыцарь понимал, что надо делать привал и устраивать ночлег. И он, и лошадь устали. Спина ныла, руки сводила судорога. Глаза слипались. Сир Нолан подъехал к осинам. Высокие, темные, они казались высохшими и мертвыми. Ветер раскачивал голые верхушки, отчего деревья скрипели, словно зубы злобного старика, выгнанного из дома в холодную ночь. Сир Нолан подошел к низине. Та уходила дальше вниз. Судя по запаху, на ее дне было небольшое болото. Но там было так темно, что ничего нельзя было разобрать. Когда сир Нолан приблизился к краю, он услышал страшный звук. Протяжный, глухой, он был похож на вой расстроенной трубы, в нем ясно читались отчаяние и злоба.

Внутри у рыцаря все похолодело. Его передернуло. Из глаз против его воли потекли слезы. Лошадь испуганно заржала; храпя, она чуть не вырвала узду из рук сира Нолана. Он перехватил ее и похлопал лошадь по спине: «Это всего лишь болото, это просто болото...» Сир Нолан слышал, что болото может издавать такие звуки. Но это казалось живым.

– Пора спать, – подумал сир Нолан и пошел к осинам. Он хотел развести костер, но почувствовал, что и без того привлекает слишком много внимания. Рыцарь привязал лошадь к дереву, сам устроившись под ним. Как только голова сира Нолана коснулась сумки, служившей ему подушкой, он тотчас уснул.

Ему приснилось, что он снова в катакомбах старого замка. Граф, сверкая алыми глазами, схватил его за горло и прижал к каменной стене. В неровном свете факелов сверкнули длинные клыки. Наступила тьма. Сир Нолан в ужасе проснулся. Холодный пот покрыл лоб рыцаря. Он открыл глаза. Ночное небо, звезды и луну заволокли тяжелые черные тучи, гонимые холодным завывающим ветром.

Сир Нолан оглянулся на лошадь. Та притихла и жалась к стволу высохшей осины, словно пытаясь найти у нее защиты. Неожиданно ветер согнал большую тучу, застлавшую луну. В ее тусклом свете тени от осин вновь простерли свои черные длани к низине. Из носа и рта рыцаря стали вырываться клубы пара, словно в морозную зимнюю ночь. Тонкий слой инея покрыл землю и сухие ветки.

Сиру Нолану почудилось чье-то присутствие. Рыцарь увидел, а вернее, почувствовал, как из теней выполз сгусток тьмы. Он вытянулся и принял очертания высокой фигуры, отдаленно напоминавшей человеческую. Угольно-черная кожа, казалось, поглощала весь падавший на нее свет. Длинные руки и ноги оканчивались острыми когтями. Волосы, точно дым от пожарища, окутывали черную голову. Леденящий взор двух глаз, светившихся тусклым лунным светом, застыл на сире Нолане. Вся фигура существа казалась призрачной, словно сотканной из мрака.

Медленные движения были слишком легкими и плавными, чтобы принадлежать живому существу. На том месте, куда оно ступало, чернела трава, а земля покрывалась коркой льда.

Сир Нолан не мог пошевелиться. Ужас сковал его, и все что осталось рыцарю – это смотреть на неотвратимо приближающуюся к нему фигуру. Лошадь, до этого застывшая на месте, взбесилась от ужаса и страха и начала вырываться, пытаясь разорвать узду, привязанную к толстой ветке.

Существо медленно повернуло бесстрастное подобие лица к лошади, и на том месте, где должен был располагаться рот, раскрылась широкая пасть, полная бритвенно-острых черных зубов. Из нее лился тусклый белый свет. Издав душераздирающий вопль, создание скрылось в тени, из которой вышло. Секундой позже оно вышло из тени, отбрасываемой лошадью, и, широко открыв зияющую пасть, набросилось на лошадь, впитывая боль и ужас терзаемого им животного.

Чем глубже впивались в горячую плоть холодные черные зубы, тем ярче проступал на угольной коже узор из белых нитей, тускло светившихся в лунном свете. Они постоянно меняли свое положение: то складывались в руны на непонятном сира Нолану языке, то повторяли расположение вен и сосудов человеческого тела. Когда последние хрипы лошади затихли, существо медленно перевело холодный взгляд на сира Нолана.

Рыцарь хотел закричать, но слова застыли у него в горле. Окутанная мраком сущность все приближалась. Она развела длинные черные руки, словно в приветственном жесте, и сверкнула белыми глазами. От бессилия перед наступающим чудовищем на сира Нолана накатил волна ярости, и, собрав всю свою волю, рыцарь потянулся к покрытому инеем мечу. Но клинок не желал покидать своих замерзших ножен.

Раздался жуткий, схожий со звуком разрываемой на части плоти, леденящий смех. Существо вплотную приблизилось к сира Нолану. Он попытался сопротивляться, но чудовище обдало его порывом ледяного дыхания и занесло когтистую руку для удара. Последним усилием рыцарь закрыл горло рукой, и черные когти, пройдя сквозь металл наруча, словно нож сквозь масло, вонзились в предплечье сира Нолана. У него не было сил даже вскричать от боли. Перед глазами рыцаря появился тусклый белый свет, льющийся из пасти существа. Последнее, что промелькнуло в голове у сира Нолана, было воспоминание о солнце, таком теплом и ярком, светившем на чистом лазурном небе.

Глава VIII

Ночное серебро

Замерзшее лицо сира Нолана обдал жар. Яркий алый свет рассеял тьму, что клубилась вокруг рыцаря. Раздался яростный вой существа. Оно оторвалось от рыцаря и повернуло черное подобие лица в сторону нового врага. Послышался щелчок, пение тетивы, и новый снаряд, словно огненная комета, оторвавшаяся от солнца, поразил черную плоть существа.

Все, что сумел рассмотреть сир Нолан, это как какая-то высокая фигура, окутанная в темный плащ, быстро приближалась к хладному порождению тьмы. С шипением существо отступило, обдав напоследок сира Нолана ледяным дыханием. Ее место заняла человеческая фигура, сжимавшая в руках арбалет, на конце которого горело яркое пламя. Заслонив рыцаря собой, фигура отложила оружие, потушив его пламя, и со звоном вытащила из ножен серебристый клинок, лезвие которого ярко блистало в лунном свете.

– Выходи, порождение тьмы, у тебя нет власти над нами! – послышался уверенный мужской голос. Раздалось недовольное шипение, и существо вышло из тени дерева.

– Нечего прятаться во мраке, выходи и сразись! – сказал мужской голос.

Существо злобно сверкнуло белыми глазами. Оно выпрямило правую руку, из раскрытой ладони стала расти черная тень. Через мгновение она приняла форму длинного, мерцавшего тусклым светом клинка, от лезвия которого шел густой хладный дым. Чудовище сжало в когтистой руке оружие и, издав яростный вой, кинулось на заслонившую сира Нолана фигуру.

С болезненно вибрирующим звуком клинки встретились. Существо с жутким визгом бросилось вперед, но фигура увернулась. Засунув руку за пазуху и сжав в ладони горсть серебристого порошка, фигура метнула его в потустороннего противника.

Ночь сотряс громкий надрывный гортанный вой, полный ярости и боли. Раскрыв зубастую пасть, чудовище кинулось на своего врага. Сверкнул серебристый клинок. Белые узоры на черной коже потухли. Голова и тело существа пали на стылую землю, но в дюйме от поверхности, словно туман, растворились в воздухе. По тени от дерева пробежал сгусток тьмы и стремительно понесся к низине. Послышался чавкающий звук, и наступила тишина.

Фигура склонилась над сиром Ноланом.

– Вас неслабо задела, – послышался тревожный мужской голос.

– Кто вы? – еле слышно спросил сир Нолан и лишился чувств.

* * *

Он пришел в себя уже в другом месте. Пропали осины, исчезла низина с ее мраком и ужасом. Сир Нолан поднял голову и взглянул на сизое предрассветное небо. Он лежал, прислоненный к громадному дубу. Рыцарь перевел взгляд на свою руку: она была перевязана, и от бинтов исходил приятный травяной запах. Рука бесчувственной плетью лежала на груди.

– Боюсь, что вы долго не сможете ею нормально работать. Надеюсь, что вы правша.

– Кто вы? – спросил сир Нолан.

– Я человек, и этого вам должно быть уже достаточно, – заявил голос тоном, не допускающим возражений.

Сир Нолан повернулся и увидел обладателя этого голоса: высокий мужчина лет тридцати, с длинными черными волосами и небритой щетиной. На его суровом обветренном лице была грустная улыбка. Карие глаза с зелеными искорками смотрели храбро и спокойно.

– Я... – начал было сир Нолан.

– Вам сейчас стоит поберечь силы, – сказал незнакомец. – Эта тварь, точнее, демон скоро вернется. И тогда уже с ней будет совладать сложнее. Нам надо поскорее дойти до Ясеневого столба, там мы будем в безопасности. Это недалеко отсюда. Я вам помогу.

Сир Нолан не знал ни о каком Ясеновом столбе, но решил довериться незнакомцу. Ведь если тот не убил и не ограбил его до этого, то вряд ли сделает это в дальнейшем.

Спаситель сира Нолана перекинул свою торбу через плечо, помог рыцарю подняться и продолжить путь. В глазах у то и дело спотыкающегося и оступающегося сира Нолана стоял туман, в голове была приятная пустота, а всем телом овладело чувство опустошенности и безумной усталости. Когда ноги стали подкашиваться, и сир Нолан понял, что дальше идти не сможет, незнакомец сказал, что они на месте. Они стояли возле громадного ясеня. Светло-серая кора покрывала уходящий ввысь ствол дерева, скрываясь за изумрудно-зелеными листьями, от которых исходил мягкий шелест. Сир Нолан почувствовал, что он словно под куполом, что в этом месте его никто не найдет, никакая тень не сможет достать его здесь.

– Это освященное место, – пояснил незнакомец. – В стародавние времена, когда нашим предкам приходилось бороться с подобными чудовищами, были созданы убежища, недоступные для порождений тьмы. Этот ясень – наследие той эпохи, одна из немногих уцелевших реликвий глубокой старины. Отдохните и, если сможете, выпейте это, – он протянул сиру Нолану флягу. Сир Нолан, поблагодарив, отхлебнул и почувствовал, как теплая, освежающая, сладковато-терпкая жидкость придает ему сил. В ней чувствовались алкоголь, мед, мята, имбирь, гвоздика и другие незнакомые сиру Нолану ингредиенты. По его окоченевшему телу разлилось тепло.

– Прекрасное питье, а что это? – поинтересовался рыцарь.

– Это Лунна Вис, дословно переводя с аэтерского, напиток силы, – ответил незнакомец.

– Простите, а как ваше имя? – сир Нолан решил, что уже пора бы знать имя своего спасителя.

– Зовите меня Алан, а вы?

– Я Нолан, очень приятно.

Алан выпрямился и посмотрел на ясень.

– Я надеюсь, что вы не выдадите местоположение этого убежища.

– Вы можете не беспокоиться, – ответил сир Нолан, – меня настолько потрепали, что я вряд ли вспомню что-либо из прошлой ночи... Кстати, а что это было за существо?

Алан нахмурился:

– При всем уважении, думаю, вам лучше сейчас отдохнуть, но если настаиваете... Это была демоническая сущность, рожденная по воле гибельных сил из страха и ужаса смертных. Иногда подобным созданиям удается воплотиться в нашем мире и начать сеять зло. Укус или рана, нанесенные таким демоном, несут гибель для любого смертного, разнося по его крови яд, отравляющий душу и тело. По счастью, у меня были необходимые снадобья для обработки раны. Но думаю, что на сегодня хватит рассказов, – улыбнулся Алан, заметив недоверчивое изумление на лице сира Нолана. – Мы сейчас немного отдохнем и дойдем до таверны. Там вы будете в надежных руках, – заверил рыцаря Алан.

– Разрешите задать вопрос, это не вас я встретил на дороге прошлым днем? – поинтересовался сир Нолан.

– К сожалению, особенности моего ремесла вынуждают меня скрываться от чужих глаз, – ответил Алан, мрачно улыбнувшись.

– Вы странник?

– Нет, скажем так: ремесло некоторых – охота на лис и волков, а с моей добычей вы уже имели честь встретиться сегодняшней ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.